

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова

Будь что будет

«Научная книга»

Серова М. С.

Будь что будет / М. С. Серова — «Научная книга», — (Частный детектив Татьяна Иванова)

Разве могла предположить частный детектив Татьяна Иванова, что невинная покупка золотого Будды у случайного мальчишки возле ювелирного магазина приведет к столь трагическим последствиям?.. Вокруг нее будут погибать люди, а она не сможет им помочь, ее саму живьем будут закапывать в землю, а она не сможет сопротивляться. Какую тайну хранит золотой божок? Что за всем этим кроется? Слишком большая гонка началась за маленьким кусочком золота...

Содержание

* * *	5
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Марина Серова Будь что будет

* * *

Они закапывают меня заживо. Нужно пошевелиться, но я не могу. Я ЕЩЕ ЖИВА, ГОСПОДИ!

В ответ только лязг лопаты и земля разлетается по лицу.

Я должна выбраться. Живая ведь я, живая. Откуда они взялись? Нелюди! Пожалуйста...

В грудь летят рассыпчатые комья.

Неужели я не смогу прекратить весь этот кошмар? Надо поднять голову... хочется воздуха... воздуха...

Нет сил, не могу... воздуха, дышать... прошу... дышать.

– А-а-а!

В пятницу я решила пройтись по магазинам и потратить несколько сотен. Благо деньги пока есть и можно не беспокоиться о хлебе насущном. При разумном подходе хватит лет на шестьдесят-семьдесят.

Ступив в два часа дня на пешеходный проспект, я не пропустила ни одну вывеску и к пяти вечера с парочкой пакетов и желудком, набитым пломбиром, добралась до ювелирного магазина.

Прямо на входе меня остановил пацан.

– Даму интересуют антикварные вещи?

Глаза маленькие, цепкие. На голову ниже меня. Самое интересное – голос, как у девочки.

Я смирила его взглядом и решила вступить в диалог, наверное, солнышко одно место напекло.

– У господина есть что предложить?

Вот и выползло из норки женское любопытство.

Он слегка кивнул головой, отзывая меня в сторонку, и я пошла словно на веревочке.

Мы отошли, и он, разжав кулак, показал мне товар.

Будда сидел на ладони в традиционной позе. Солнечный луч скользнул по статуэтке, и она соблазнительно сверкнула.

– Из чего она сделана? Золото?

– Да, чистое золото. Очень старая вещь.

Естественно, я сильно сомневалась насчет того и другого, но безделица мне понравилась.

– И сколько?

Услышав ответ, я развернулась и пошла прочь. То, что он просил, было просто неприемлемо.

– Подождите, я уступлю.

Сорванец добрался до меня уже в магазине и, делая вид, что совершает над собой огромное усилие, слегка «упал»:

– Девятьсот.

Я даже не шелохнулась, продолжая рассматривать витрину с цепочками.

Юный торговец вошел в раж.

– Мисс, вы делаете ошибку, это раритет.

Тем временем я попросила продавца показать понравившийся мне кулон, чем вызвала падение цен на рынке до восьмисот американских долларов.

Когда я была на пути в кассу, начинающий спекулянт, зажав волю в тиски, просил шепотом семьсот пятьдесят, демонстрируя набегающие слезы. Торг перешел в вымогательство, и у меня на языке созрело нечто резкое, готовое к оглашению на весь торговый зал.

– Посмотрите, какая прелесть. – Он еще раз разжал пальцы, и облик будды проник мне в душу, заставляя признать поражение.

Я остановилась и протянула руку к тому, что уже твердо решила приобрести.

Тень мелькнула в воздухе, и статуэтка пропала.

Высокий подкачанный охранник, постоянно дежуривший в зале, оглянулся на недовольный крик покупателя, увидел бегущего человека, полюбовался на меня и мальчишку и ринулся следом, но шансов достать вора у него не было.

Я мгновение наблюдала удивление на мордашке уличного спекулянта, а затем со всей силы швырнула в ноги убегающему ловкачу пакеты с покупками.

В тот момент я совсем не думала о кофейном сервисе и экзотической шкатулке. Стремление восстановить справедливость, а честно говоря, просто вернуть ставшего уже на девяносто девять процентов моего будду слегка помutilо разум.

Он вскрикнул и растянулся у самого выхода. Статуэтка выпала из рук и заскользила по полу, слегка позванивая в наступившей внезапно тишине.

Охранник чуть не споткнулся о распростертое тело. Справившись с инерцией, он уперся коленом в спину и, схватив вора за волосы, заставил его подняться. Тот не сопротивлялся.

Людское море взволновалось, и в магазине стало очень шумно. Все начали обмениваться впечатлениями и старались подойти поближе к месту недавних событий, желая разглядеть задержанного.

Он имел жалкий вид и не поднимал глаз. Пониже меня ростом, щуплый, с неестественными для человека обезьяньими движениями конечностей – решившийся на наглый поступок самец.

– Здорово вы его, – высказал мне слова неподдельного восхищения стоявший рядом мужчина.

Люблю, когда хвалят, прямо бальзам на душу, и в ответ можно ничего не говорить.

Потешив собственное эго и насладившись результатами броска, я с высоко поднятой головой направилась к сиротливо лежащему будде, которого так никто и не решился поднять.

Взяла его в руки и почувствовала тепло. Будто сама вещь благодарил меня за спасение.

Подошел незадачливый продавец, чуть было не проворонивший собственный товар.

– Откуда у тебя это? – поинтересовалась я, не реагируя на протянутую руку.

Он замялся. Будь помладше, стал ковыряться бы в носу и класть козявки в рот.

– Так на чем мы остановились? – вернулась я к торгам, даже и не пытаюсь нагнуться за разбросанными покупками. Тем более, что двое мужчин услужливо собирали по залу осколки сервиса и развалившуюся на части хрупкую шкатулку из морских раковин.

Тут на меня нашло озарение в размере пятисот баксов.

Услышав цифру, купец сник окончательно, но он не мог проигнорировать спасение его имущества и потому кивнул в знак согласия, признавшись, что я имею право на скидку в тридцать процентов, учитывая только что происшедший инцидент.

– Вы будете писать заявление? – осведомился охранник, нависая надо мной своими внушительными габаритами. Вот когда по-настоящему чувствуешь себя женщиной.

Я едва вздохнула и сообщила, что нет. Выступать в роли потерпевшей – этого мне только не хватало, к тому же я ею и не была.

Так ценою сервиса, шкатулки и пятисот долларов я заполучила золотого будду весом в сто восемь грамм, что установила тут же в магазине.

Куда после всего случившегося пошла бы нормальная женщина? Правильно, или снимать стресс в обществе подруг, или в объятия мужчины. Частный сыщик Иванова Т.А. направилась

на консультацию к историку и собирателю старины В. Н. Жукецкому. Благо до краеведческого музея рукой подать.

Справившись о Викторе Николаевиче, я без труда преодолела блокпост бабулек и поднялась на второй этаж. Прошла в левое крыло и вскоре была уже в огромном хранилище.

Витя, а я могу называть этого человека Витей, потому как еще в десятом классе он пытался уцепиться за мою юбку, но ничего у бедняги не вышло. Так вот, кандидат исторических наук Витя гнул спину перед компьютером, не думая и не гадая увидеть одноклассницу.

– Сюрприз-из, – протянула я, словно малолетняя дурочка, стоя на пороге мрачной комнаты, заставленной всякими редкостями.

Он обернулся. Высокий лоб, зачесанные назад волосы, густые брови, очень жесткий взгляд из-под очков в тонкой позолоченной оправе – все это Жукецкий.

Последний раз мы встречались четыре года назад, но тогда он был задавленный жизнью аспирант, а сейчас...

Не говоря ни слова, он поднялся и подошел ко мне.

Я остолбенела и разглядывала его, словно экспонат в галерее искусств.

– Привет, Таня, – ровным голосом поздоровался он. – Какими судьбами?

– Ты изменился. – Я клялась себе, что буду говорить только о деле, но куда там! Мои глаза облизывали его, и он это чувствовал.

– Атлетическая гимнастика творит чудеса.

– Потрясающе.

Его грудная клетка была раза в полтора больше моей, а руки еле-еле умещались в рукавах рубашки.

– Я набрал почти сорок килограмм, – похвастался он, приглашая садиться и не переставая, в свою очередь, рассматривать меня. – По делам или так зашла?

– Не знаю, – как-то неуклюже выдавила я и, открыв сумочку, вытащила свое приобретение. – Вот сегодня купила у ювелирного магазина.

– Да, такие штучки на прилавках не лежат.

– И что в ней интересного?

– Все. – Он смотрел на меня пристально, и я, не выдержав, отвела взгляд, чтобы не дать ему увидеть, как сверкнули мои глаза.

– А подробнее?

Перестав меня мучить, он залез в стол и извлек большую лупу. Взяв статуэтку, покрутил ее из стороны в сторону под лампой и отдал обратно.

– До полутора тысяч долларов на официальном аукционе и всего полсотни на черном рынке, причем надо искать заинтересованных лиц. Для рядового покупателя эта вещь стоит около трехсот долларов.

– Почему так мало?

– Золото низкопробное. Вещь-то старая.

– Она имеет историческую ценность?

– Ну, если ее держал в руках один из соратников Чингисхана, то тогда вполне вероятно. У государства такого добра достаточно.

Мое самолюбие оказалось задетым.

– И откуда же берется это добро?

– Кто-то где-то раскапывает курганы – захоронения, оставшиеся в заволжской степи еще со времен печенежских набегов. Здесь другое интересно: как эта вещь попала на улицу? Около какого магазина ты приобрела это? – вдруг поинтересовался он.

Но я не хотела никаким образом подставлять мальчишку и оставила вопрос без ответа. Со связями Виктора установить, откуда произошла утечка, вполне реально. Открыть торговлю

на улице подобными «сувенирами» не мог себе позволить ни один из тех, кто занимался драгоценными безделушками серьезно.

– И много тебе известно людей...

– Давай не будем. – Он мягко остановил меня. – Ты ведь пришла узнать, сколько стоит это на самом деле? Я ответил. Хочешь узнать примерный возраст? Пожалуйста. Десятый-одиннадцатый век, причем сделано где-то на Востоке, вот видишь клеймо.

На поясице с помощью увеличительного стекла можно было рассмотреть крохотный кувшинчик с традиционно узким для Востока горлышком.

– Существовала целая ювелирная династия, которая таким образом помечала все свои изделия. Что интересно, производство прекратилось всего пару веков назад, после того как мастера из Ирана перебрались в Китай, а этого малыша произвели где-нибудь на территории современного Азербайджана. Большого я тебе прямо так сразу сказать не могу.

– Получается, мастера кочевали?

– Да, искали выгоду. Они жили там, где не было войн, а драгоценные металлы стоили относительно дешево.

– А что это за надпись? – по всему круглому основанию статуэтки шла тонкая ниточка иероглифов.

– Дай-ка. – Он снова вооружился лупой. – Не знаю, скорее всего какая-нибудь молитва или что-то в этом роде.

– Понятно. Значит, я прогадала, заплатив пятьсот долларов?

– Как сказать. Тебе ведь нравится. – Он попытался вселить в меня долю оптимизма. – Не торопишься?

– Да нет. – Неужели он снова попытается предпринять то, что не удалось еще много лет назад? Теперь я не была уверена, что устою.

– Посиди здесь немного, я хочу показать эту вещицу одному эксперту, он у нас проездом из Казани, уважаемый в нашем деле человек.

Я была разочарована.

– Профессиональный интерес?

– Что-то вроде.

– Ну хорошо. Если недолго...

– Пять минут.

Поздоровевший Витя исчез, оставив меня одну наедине с выключенным компьютером.

Вернулся он через четверть часа.

– Знакомься, Руслан Рустамович.

Я повернулась. Спутник Жукецкого – старик лет семидесяти – обладал отталкивающей внешностью и мог спокойно пугать детей средь бела дня без грима. Костюм-тройка и начищенные до блеска ботинки лишь усиливали впечатление от злодейской гримасы, навечно застывшей на иссохшем морщинистом лице.

– Таня, – скромно представилась я.

– Вы обладаете интересным экспонатом, – без долгих церемоний заявил он скрипучим голосом и слегка наклонил седую голову набок.

– Да, а мой одноклассник утверждает обратное.

– В масштабах страны определено, – очень даже легко согласился он. – Коллекция нашего музея скромна, поэтому иногда приходится ездить в командировки.

Он протянул мне статуэтку.

– Я знаю нескольких коллекционеров, которые могли бы заплатить вам неплохие деньги за нее.

– Уверяю, мы не сойдемся в цене.

Сейчас я не продала бы безделицу и за тысячу долларов, особенно если учесть то, как она мне досталась.

– Хорошо, я не настаиваю, – отступил он, – если сумма в пять тысяч долларов вас не устроит, я умываю руки.

– Но вы ведь только что сказали, что это заурядный экспонат. – Я его поймала.

Он замолчал и вперился в меня, будто я враг номер один.

Лицо Жукецкого оставалось решительным, но как-то слегка поглупело. Интеллект пропал, оставив животную волю в полном одиночестве.

– Я пойду, – ситуация была тупиковая. Разговаривать с лживыми краеведами мне больше не хотелось.

Они молча расступились, и я открыла дверь.

Четверо мужчин, возглавляемые брюнетом в мышинном костюме, быстрым шагом шли прямо на меня через небольшой выставочный зал, уставленный образцами одежды конца восемнадцатого века.

Бежать было некуда. Они не сводили с меня глаз. Когда моя рука попыталась юркнуть в сумочку, один из них стремительно выхватил пистолет Макарова и направил мне в лицо.

– Не двигаться, – скорее предложил, нежели приказал он. – Вы арестованы.

У меня отлегло от сердца. Это всего лишь родная милиция.

– Я частный детектив.

– Дайте сюда, – потребовал «костюм».

И не жарко ему стройному посреди лета в костюме. А потому не жарко, что кобура у него под левым плечом висит.

Я подчинилась, никого не провоцируя, и отдала ридикюль. Да и ствол пока все еще смотрел на меня, что не подталкивало на дерзкие поступки.

Покопавшись в бабьем барахле, он довольно быстро нашел статуэтку, а за ней и документы. Ознакомившись с лицензией, протянул все мое хозяйство обратно, включая и мешочек с кубиками, не торопясь, впрочем, приносить извинения и уж тем более возвращать драгоценную вещь.

– Зайдите обратно, – натянуто сказал он.

– Только после того, как посмотрю на ваше удостоверение, – звонко пропиликала я, восстанавливая собственную психику.

Передо мной был некто капитан Строгов. Сопровождавшие его хлопцы несколько поостыли и теперь любовались моими ножками, стоя чуть в стороне и скалясь время от времени.

Я прекратила бесплатный спектакль и вошла обратно, сохраняя спокойствие и ожидая получить разъяснения.

Виктор несколько удивился, увидев меня снова живую и невредимую.

– Капитан Строгов Андрей Николаевич, – представился мой сопровождающий.

Дед протянул костлявую руку.

– Директор музея, Хальзов Руслан Рустамович.

У меня глаза на лоб полезли. Так это, значит, передо мною тут спектакль разыгрывали, чтобы время выиграть, а я сижу ушами хлопаю.

– Для чего тебе понадобилось... – набросилась я было на Виктора.

– Замолчите и сядьте, – резко приказал капитан. – Что это? – поинтересовался он, отдавая директору МОЕГО будду.

– Статуэтка, которую похитили вместе с пятью скакунами.

– Откуда это у вас? – вопрос был адресован мне.

Отпираться не имело смысла. Раз вещь ворованная – ее не вернуть.

– Купила час назад у ювелирного магазина на Немецкой.

– У «Кристалла»?

– Да.

– И кто продавец?

– Мальчишка какой-то черненький, лет пятнадцать от силы, – ответила я на вопрос. – Ты мог бы мне сказать! – обратилась я к Виктору.

– Отвечайте на вопросы, – снова одернул меня Строгов.

– Зачем ты украла их? – начал Жукецкий.

– Помолчите и вы, и вы. – Капитан потыкал пальцем в мощного дяденьку и красивую тетеньку.

В комнату вошел сутуловатый мужчина. Ему было около пятидесяти. Животик, седина на висках, очки, «дипломат».

– Геннадий Александрович!

Хальзов бросился здороваться с новым персонажем.

– Капитан, вы свободны.

Не совру, если скажу, что мне понравилось, как этот профессорского вида, судя по всему, очень умный и воспитанный человек вышиб борзого пса за дверь.

Стульев не хватало, и Виктор предложил свой.

– Моя фамилия Ежов, – деликатно представился он. После чего была бы типичной фраза: «Я буду вашим адвокатом», но на самом деле последовало: – Зовут Геннадий Александрович, звание полковник. Я веду дело о похищении из музея коллекции старинных статуэток, теперь представьтесь, пожалуйста, и приготовьтесь отвечать на вопросы.

Руслан Рустамович поспешил предложить свой собственный кабинет, но получил вежливый отказ, нисколько, правда, при этом не обидевшись.

Вскоре я осталась со следователем наедине.

Беседовали мы около двух часов. Все, что я говорила, дотошный следователь заносил в тоненькую школьную тетрадочку. Какой педант! В первый раз такое вижу. Я не могу назвать наш диалог дознанием или тем более допросом. Полковник оказался весьма тактичным и ни разу во время беседы не перешел на повышенные тона. Правда, он то и дело вставал, уходил звонить, затем возвращался, и мы продолжали разговор.

Когда я рассказала ему, где и как купила будду, он снова поднялся и ушел на несколько минут, в который раз оставив меня в одиночестве. Самое время попросить совет у магических додекаэдров.

Я развязала мешочек. С трепетом залезла внутрь, нащупала три двенадцатигранника, закрыла глаза и сосредоточилась.

Мне ничего не грозило, кроме пары визитов в милицию в качестве свидетеля, но как быть с нанесенным моральным и материальным ущербом? Стоило поинтересоваться, удастся ли мне в ближайшее время улучшить свое материальное положение, а проще говоря, не появится ли клиент.

Они упали на стол и покатались, тихонько потрескивая сточенными гранями. Когда наступила тишина, я решила поднять веки и взглянуть на предсказание.

16+26+2.

Результат оказался весьма неплохим. Мне предвещали материальное благополучие при условии, что я не буду пропускать мелочи, способные повлиять на конечный результат.

Пока я перебирала в голове все события, которые произошли за сегодняшний день, прошло несколько минут, потом вернулся Ежов.

Вопреки ожиданиям мой способ зарабатывать себе на жизнь не произвел на него абсолютно никакого впечатления. Но я не спешила обижаться. Лучше сойти за недалекую девочку. С глупенькой спрос меньше.

Мой собеседник не стал распространяться об известных ему фактах по данному делу, ограничившись несколькими общими предложениями.

Вырисовывалась следующая картина.

Шесть дней назад, в ночь с субботы на воскресенье, в музей проник вор или воры и похитили несколько древних статуэток. Несмотря на возможность поживиться золотыми монетами, редкой посудой и другими ценностями, грабители унесли только пять фигурок лошадей из чистого серебра и золотого будду.

Отсюда велика вероятность заказной работы. Четкость и быстрота действий свидетельствовали о серьезной подготовке. Сигнализация даже не пискнула. Все было кончено за пять-семь минут.

Сегодня я купила будду, осталось найти еще лошадок, и коллекция будет возвращена, кто только покроет мои расходы. Целый день сплошные убытки.

Я вошла в квартиру, бросила ключи, сумочку, туфли, платье, нижнее белье на пол и пошла в ванную.

«Гори он синим пламенем, этот божок!»

Выбравшись из-под еле теплого душа, я прошлепала на кухню, взяла в холодильнике банку колы и направилась было обратно, когда некто обозначил свое присутствие за дверью.

Работа у меня такая, что незапланированные звонки в дверь нервируют, да и кроме всего прочего, если верить часам, уже 22.23. Время вежливых частных, а также чисто деловых, пусть и без приглашения, визитов давно закончилось.

На данный момент я ничем не занималась и в гости никого не ждала.

В дверь еще пару раз звякнули, и наступила тишина.

Я посмотрелась в зеркало: мокрая курица с банкой газировки. Все равно весь кайф обломили.

Чуть было не состоявшийся гость в лице Хальзова стоял и смиренно ждал лифта, когда я, высунув мокрую голову в щель между дверью и косяком, сообщила ему, что была в душе.

Старик просиял и засеменял ко мне, перекладывая кожаную папку из одной руки в другую.

– Извините, что я так поздно.

– Ничего, ничего, – чирикнула я, почувствовав запах денег.

Обстановка жилища не произвела на директора никакого впечатления, хотя он ради приличия заметил все же, что у меня уютно, выпутываясь при этом из пикантной части женского туалета, продолжавшей валяться на полу.

– Тяжелый день, – объяснила я, бросившись поднимать раскиданные вещи и выставляя напоказ свои груди. Ткани на прикрывавший мое тельце халатик ушло, наверное, меньше, чем на бикини, но нынешнего посетителя трудно было расшевелить девичьими прелестями. В присутствии бабушки я чувствовала себя малолетней бесстыдницей.

Он не стеснялся меня разглядывать, но я не могла, как ни старалась, почувствовать себя женщиной. Почти голенькая, я была для него бронзовым канделябром времен Екатерины Великой.

Обидно, зато не мешает делу.

Я пригласила Хальзова в гостиную, принесла ему минералки и удалилась привести себя в порядок.

Когда я вошла в шортах и футболке навыпуск, он сделал мне комплимент относительно фигуры, чего я, признаться, не ожидала.

– Спасибо, – ответила я скромно, после чего опустилась в кресло и замолчала, давая возможность гостю высказаться.

– Если вы помните, я вышел вместе с этим капитаном...

Я закивала головой, уверяя, что помню.

– Он сказал мне, чем вы занимаетесь, тогда я после вашего разговора с Ежовым проследил за вами. Простите меня, но мне нужен как раз такой человек, как вы.

– Судя по вашему сегодняшнему представлению, вам нужна милиция и официальное расследование.

– Пожалуйста, выслушайте, – взмолился он своим скрипучим голосом.

Я набрала в рот воздуха и пхыкнула в потолок, расслабляясь и запасаясь терпением.

– Сегодня, когда Виктор показал мне ворованного будду и кратко объяснил, что к нему пришла бывшая одноклассница справиться о цене, я попросил подождать его в коридоре и вызвал милицию. Ваш одноклассник положил два года работы на то, что рассказал вам в течение нескольких минут. Он вскоре намеревается защищать докторскую диссертацию, и для него эти скакуны не просто статуэтки. Это не что иное, как доказательство существования развитого ремесленного промысла в Иране начала второго тысячелетия.

Мне было неприятно слышать, что меня променяли на пять кусочков серебра и кусочек золота, но Жукецкий ведь не знал, да еще и сейчас, наверное, не знает, чем я занимаюсь. Он наверняка принял меня за воровку, увидев похищенную вещь. Стоп. Почему я его оправдываю?

– Ладно, забыли, – отрезала я. – Вы хотите нанять меня? У вас не хватит средств. Украл я ведь еще что-то, не так ли?

Для Хальзова подобный вывод оказался полным откровением.

– Я никому не говорил.

– Не обязательно. Зачастую действия могут рассказать куда больше, нежели слова.

Руслан Рустамович, судя по всему, за свою долгую жизнь в первый раз столкнулся с женщиной, обладающей логикой и развитым чувством интуиции.

– Назовите цену.

– Триста долларов в сутки плюс расходы.

– Двести, половина в качестве аванса на две недели вперед.

Настала моя очередь удивляться:

– Две тысячи премии, если уложусь в неделю.

– Согласен. Никаких выплат, кроме аванса, при отрицательном результате.

– Сто гладиолусов на мою могилу в случае смерти.

Хальзов кивнул головой, расстегнул папку и достал пачку стодолларовых купюр.

Под ласкающее слух шуршание дензнаков почтенный и уважаемый гражданин города Тарасова перешел из разряда визитеров разных мастей и калибров в касту клиентов.

Я пересчитала деньги и убрала с глаз долой.

– Слушаю вас, Руслан Рустамович.

Он выложил на журнальный столик ксерокопии каких-то рукописей.

– Как вы знаете, из нашего музея пропали пять скакунов и будда, – снова порывшись в папке, передал мне фотографии экспонатов. – Все это было найдено лично мной и Виктором два года назад во время раскопок. Он тогда только что блестяще защитил кандидатскую и горел желанием продолжить работу. За две недели мы вместе с группой студентов перебрали по частичкам один из курганов, насыпанных в степи, и ничего не нашли. Такого я не припомню. Вся группа впала в уныние, только один Виктор продолжал работать как заведенный и не прекращал поиски даже в дни отдыха. Признаюсь, я уже был склонен потратить оставшееся время студенческой практики на работу в другом районе, потому как возвращаться в Тарасов ни с чем было просто стыдно, кроме того, подобной неудачей можно отбить интерес к археологии у десятка молодых парней и девчонок. Как-то вечером я намекнул ему, что надо перенести лагерь километров на двадцать севернее, к древнему стойбищу. Там средненький результат

был гарантирован: монетки, наконечники стрел, черепки посуды, может быть, доспехи. Он не возражал, но попросил еще один час, аргументируя это тем, что чем глубже копаем, тем больше булыжника нам попадается. «Авось на что и наткнемся», – подумал я и позволил взять ему с собой только добровольцев. Молодежь отдыхала после очередного бесплодного дня, и я не имел морального права заставлять, тем более завтра нас ждал переезд. Он поднял на ноги всех, естественно, и я не остался в стороне, хотя, признаюсь, здоровье пошаливало.

Мы посоветовались прямо на месте и решили в самом центре основания выкопать яму поглубже и пошире, надеясь на то, что почва, может быть, слегка просела, и то, что когда-то было над землей, теперь оказалось под ней.

Народ с остервенением взялся за дело. Камней стало так много, что работа застопорилась. Час пролетел незаметно, и многие из «призванных» стали вполголоса намекать, что время вышло. Наши усилия ни к чему не привели, и я отпустил всех отдыхать.

Виктор попил водички, а затем попросил меня подойти к самому краю ямы.

– Что ты мне хочешь показать? – поинтересовался я, плохо скрывая раздражение, паработившее меня из-за сильной усталости.

Он не обиделся и попросил приглядеться повнимательнее. Признаюсь, я ничего не видел, тогда он посоветовал сделать пару шагов назад.

Невероятно, но то, что молодые люди ковыряли в течение часа, имело форму пятиугольника.

– Скорее всего, выбрасывали мягкую землю.

– Да, так и было. Стенки углубления, как оказалось позже, были выложены булыжником, и те, кто стоял по краям, ничего, кроме небольших ямок, выдолбить не смогли, а попавшие в середину волей-неволей выбрали много больше.

Тогда мы не стали рисковать и все-таки перенесли раскопки в другое место, кое-как составили и описали коллекцию находок, а затем, после окончания летней практики, вдвоем вернулись обратно.

Буквально на второй день Виктор наткнулся на железный ларчик. Мы довольно долго промучились с замком, а затем подгоняемые нетерпением просто сбили его. В нем оказалось две сотни золотых монет, поверх которых лежала серебряная лошадка.

Вскоре мы извлекли второй сундучок, затем еще три и в каждом находили по двести монет и одному серебряному скауну.

– Каждый занимал свой угол.

– Да, все верно. Когда мы нашли второй, то стали работать очень осторожно, стараясь как можно меньше следить в самом центре. Любопытство заставляло нас трудиться без остановки. Следующие сундучки лишь увеличивали количество откапываемого нами богатства, но не несли в себе ничего нового.

– Пять сундуков в пяти углах, а в каждом по скауну и пара сотен золотых монет. Красиво.

– Да, только это не сказка. На третий день мы взялись за центр. Снимая слой за слоем с большой осторожностью, к закату мы добрались до древнего захоронения, сложенного из длинных обтесанных камней, и, не имея ни сил ни возможности ковыряться дальше, повалились спать.

Утром я еле шевелился, но кое-как дошел до ямы и, усевшись на складной стульчик, работал только языком, в то время как Виктор стал выбрасывать на поверхность напоминающие кабачки тяжелые валуны. Мы ожидали увидеть под камнями скелет, и мы его увидели.

Перед нами лежали останки маленького человечка. Череп его был огромен и составлял примерно треть всей длины. Можно было подумать, что перед нами мощи только что появившегося на свет ребенка. Кости были усыпаны золотыми монетами. В ротовом отверстии черепа торчал понравившийся вам будда, а под кистями рук лежали толстые книги, обитые железом.

Грудная клетка уродца была сильно разрушена, не исключено, что ему вырвали сердце.

Потом мы разглядели ровный срез на шейных позвонках. Судя по всему, карлик был жестоко казнен.

– Так что же вначале? Сердце или голова?

– Думаю, сердце. Скорее всего этот человек всю свою жизнь занимался колдовством. Книги, которые положили ему под руки, содержат массу оккультных заклинаний, часть из которых мне удалось перевести. Тома находились прямо под ладонями, а значит, давались казненному в качестве некой поддержки в стране мертвых. В случае опасности он призывал к себе на помощь потусторонние силы.

– И вы в это верите?

Руслан Рустамович помолчал немного и выдал на-гора ответ научного работника:

– Обладая, мягко говоря, незаурядной внешностью, существо наверняка без труда могло занимать высокое положение среди шаманов и колдунов. Нельзя исключать способности к гипнозу и внушению. Я обнаружил парочку наставлений в этих книгах и сравнил их с современными методами гипноза. Один в один. Можно себе представить, какой фурор производили облик и способности погребенного на темных людишек того времени.

– Что же у вас похитили? – Я не удивилась бы, узнав о пропаже прикарманенного золота, с таким делом в милицию не побежишь.

– Мы оставили себе пятьсот монет.

Я вяло похлопала в ладоши.

Он слегка завелся:

– Вы думаете, легко ездить по горам по долам и не иметь при этом никакого стимула. Да, я присвоил двадцать тысяч долларов на пару с Жукецким. Ну и что? Все остальное мы официально задекларировали и передали государству.

– И останки человечка?

– Да, но данный экспонат только для служебного пользования. Выставляться он никогда не будет.

– Бойтесь заработать для музея деньги на людском любопытстве?

– Я возглавляю не частную лавочку. Есть определенные моральные нормы.

Человек украл пятьсот золотых монет, по двести пятьдесят на брата, и в то же время рассуждает о моральных нормах. Скорее, боится негативного резонанса в прессе и на телевидении.

«Дожили граждане! В краеведческом музее детей пугают останками большеголового уродца!» – подобный заголовок в любой местной газете мог освободить Хальзова от занимаемой должности и отправить с почестями на заслуженный отдых. А работа была для него и воздухом, и пищей. Поэтому признание о переложенных в личный карман монетах я была обязана оценить.

– Что же исчезло? – терпение неожиданно иссякло, и вопрос получился грубым.

– Книги. Те самые, которые были в захоронении, – словно обороняясь, выпалил он.

Мои брови поползли на лоб, а Хальзов поспешил объяснить:

– Книги лежали у меня дома, и я минимум час в день уделял им внимание в течение этих двух лет. Вчера я зашел домой и по привычке бросил взгляд на стол, где под стеклянной витриной лежали находки. Тома исчезли.

– И вы согласны нести расходы ради того, чтобы вернуть себе какие-то заклинания?

Хальзов сделал все, чтобы не назвать главную причину.

– Столь древних книг на земле не так много. Им около тысячи лет, и это уже само по себе представляет культурную и историческую ценность. Кроме того, они имеют инвентарные номера и подробно описаны. Случись какая проверка, я не выкручусь. В моем возрасте, а мне уже восемьдесят два, придется освободить кресло директора – слишком много претендентов.

Я была поражена, Руслан Рустамович не выглядел столь древне. Его энергичности мог позавидовать мужчина в расцвете сил.

– А что содержание?

– Вы считаете, текст оригинала может пригодиться в вашем расследовании?

– Не исключено, что люди, заказавшие пятерых скакунов и будду, заинтересовались содержанием книг.

– Откуда они могли знать о них?! Я никому не говорил.

– А Жукецкий?

Элементарное предположение несколько смутило собеседника. Подумав, он попросил поговорить с Виктором, но пока не раскрывать, что именно он был заказчиком расследования.

Я состряпала на лице удивление и заставила Хальзова отступить.

– Ну, хорошо, хорошо, поступайте, как сочтете нужным, только верните тома.

– Кто знает о том, что книги пропали?

– Никто. Я живу один, жена умерла полгода назад, а дети и внуки разбросаны по всей стране. Раз в неделю ко мне приходит убираться соседка. Признаться, я никогда не прятал книги. Двадцать лет работы реставратором научили меня обращению со старинными вещами. Лишний раз переставлять драгоценный экспонат не стоит. Может плохо кончиться.

– А из родственников никто не мог...

– Нет, я никому не показывал то, над чем работаю.

– Почему?

– Не люблю демонстрировать отдельные куски. Вот разобрался бы с письменами до конца, тогда можно было бы и похвастаться.

У меня самой существовали определенные принципы работы, изменять которым мне было крайне неприятно, поэтому ответ сошел бы за правдивый, убери я из поля зрения жадность собеседника. Хальзов явно не желал делиться всей известной ему информацией. Придется дожимать директора, но это не сложно, ведь он платит деньги, и долгое расследование не в его интересах.

– Мне есть с чего начать. Я просто обязана поговорить и с вашей соседкой, и с Жукецким. Не порекомендуете ли вы хорошего специалиста по древним книгам?

– Ну если вам не достаточно моего мнения...

Он был обижен, но я не спешила его успокаивать. Увидев, что никакой реакции его слегка возмущенный тон не вызывает, он посоветовал зайти в гости к своему другу – имаму Али, уверяя, что с его собственными познаниями могут соперничать только его.

– Рассчитывая на то, что вы не откажетесь от моего предложения, я принес ксерокопии обеих книг, правда, сделаны они уже с фотографий. Сами понимаете, такие книги под ксерокс...

– Надеюсь, вы будете рассказывать все, что вам известно, – поддела я клиента, но он не обратил внимания.

– Кроме того, здесь мой перевод некоторых фрагментов, думаю, вам будет интересно.

На этом вводная часть оказалась завершенной. Я проводила гостя до двери, где получила мрачный совет, данный мне тихим скрипучим голосом.

– Да, чуть не забыл. Не читайте заклинания вслух.

– Вы в это верите? – в тон ему, почти шепотом спросила я.

– Достаточно того, что верили древние, – слегка философски заметил старик и скрылся в темноте неосвещаемого коридора.

Никто из жильцов, включая и меня, второй месяц подряд не решался вкрутить в патрон новую лампочку. «Вот доведу дело до конца и куплю с премии старика Хальзова», – решила я. Захлопнула дверь и пошла любоваться на оставленные бумажки.

Как оказалось, каждая книга состояла из восемнадцати листов, причем в одной из них последние два были чистыми. Почерк неведомого писаря оказался очень мелким. Десятка два строк арабской вязи в сочетании с иероглифами умещалось на каждой странице, но как это можно было соединить в одно целое и перевести, оставалось для меня загадкой. Пролистав копии, я принялась за переводы.

Позвонил Виктор, ненавязчиво пригласил сходить утром в ресторан позавтракать, где и собирался объясниться.

У меня не было никакого желания разговаривать с Жукецким как с мужчиной, но так как беседа с «качком» входила в мои планы уже непосредственно в рамках работы, я согласилась.

Он сказал, что к девяти заедет на своей машине, видимо, недоумевая, как это я так быстро простила его.

В восемь утра зазвонил телефон. Пришлось подползти к трубке.

– Аллю...

– Татьяна Александровна?

– Да.

– Полковник Ежов беспокоит.

Похоже, свой первый звонок на рабочем месте он сделал именно мне.

– Не могли бы вы сегодня подойти ко мне до десяти утра?

– Что-то случилось?

– Не волнуйтесь. Вчера вечером мы задержали у ювелирного магазина несколько человек. Я надеюсь, что вы опознаете среди них того, кто продал вам золотую статуэтку.

Я жеманно согласилась, давая понять, что сделаю одолжение и зайду. У самой же потекли слюни в предвкушении беседы с мальчишкой. Только бы они взяли того, кого надо!

Виктор, как и обещал, заехал ровно в девять. Никак не ожидала увидеть его прямо-таки сияющим. Он цвел, словно накануне стал мужчиной.

Узнав о необходимости заехать на «вокзал», с которого людей отправляют в места «не столь отдаленные», Жукецкий несколько сник, но никакого протеста не последовало.

– Это связано с твоей вчерашней покупкой?

– Да, меня пригласили на опознание. Задержали продавца.

– И сколько это займет?

– Не волнуйся, мы везде успеем. Я уложусь за час. Обычно требуется в два раза больше времени.

– Ты так говоришь, будто сама дела ведешь.

– Я частный детектив.

Он остолбенел.

– Никогда бы не подумал.

– В этом один из моих козырей.

– Тогда становится понятным, почему тебя никуда не забрали. Когда я увидел статуэтку, то принял тебя за воровку.

– Поехали, – скомандовала я.

Не начинать же в самом деле разговор о том, что он мог бы вместо того, чтобы устраивать спектакль, предупредить меня об опасности, будь я даже воровкой или перекупщицей, как-никак одноклассники.

«Ауди-100» – неплохая машина для научного сотрудника музея.

– Хорошее авто.

– За консультациями приходят почти каждый день. У меня тоже в некотором роде частная практика.

– Мне не так давно рассказывал о тебе Сыч. Не могла не запомнить место работы клеившегося ко мне юноши.

Ключ зажигания попал в скважину после третьего захода.

Сыч контролировал большую часть рынка антиквариата в Тарасове. Если он рекомендовал человека, значит, это был его человек.

– Ты действительно осведомлена о моей второй работе, – согласился Жукецкий и тронулся с места.

Водил он отменно. Машина слушалась, как дрессированная собачка, и шла плавно. Покрышки лишний раз не тер, предпочитал риску оптимальный маршрут и соблюдал правила.

Чувствовалось, что едет спокойный человек, свободный от материальных и семейных проблем.

– Ты не женился?

– Было дело. Все закончилось через пару месяцев. После развода друзья привели меня в тренажерный зал, и пошло-поехало.

Я позволила себе пощупать бицепс:

– Потрясающе.

Он улыбнулся, принимая комплимент.

Сейчас хорошее настроение у тебя улетучится, мой дорогой.

– Наверное, тяжело было пару лет назад ворочать огромные булыжники в одиночку?

– Старик рассказал тебе о нашей экспедиции двухлетней давности?

– Да, вчера вечером.

– А зачем тебе...

Я так и не успела сказать ему, что меня нанял его шеф.

Неожиданно со встречной полосы влетела «шестерка» и заставила Виктора отвернуть вправо. Машина ушла на соседнюю полосу, по которой в одном с нами направлении шел поток транспорта. Сильный удар в правое крыло иномарки одноклассника засвидетельствовал окончание поездки. Когда я увидела, что в нас вписалась навороченная «Волга», то предположила с большой долей вероятности серьезный базар посреди трассы.

Маленький лысенький дяденька, вооружившись сотовым телефоном, неуклюже вылез из места пассажира и, тыкая антеннкой в направлении показавшегося Жукецкого, заорал:

– Ты, сучья гора мяса, какого х... уселась ты за руль, если ни хера не видишь! Обожралась анаболиков, скотина!

Я покинула машину и направилась к недовольному дядюшке, намереваясь перегрызть ему глотку.

Виктор бросился следом:

– Постой, мы все уладим.

Показался водитель лысенького. Дитина под стать моему спутнику.

Еще три шага, и он проглотит свой телефончик.

– Уймись, шлюшка. – Это дяденька орал уже мне.

Водитель вслед за боссом вылез из «Волги», оперативно достал из-под сиденья резиновую дубинку, не слишком-то желая пускать ее в ход.

Внезапно оба наших противника устались нам за спины.

Раздался свист и глухой удар. Я обернулась и увидела перед носом электрошокер. На заднем плане Виктора волокли к белой «шестерке», спровоцировавшей столкновение.

Обладатель сверкающей трещотки свободной рукой схватил меня за горло. Я попробовала дернуться, но тут же получила порцию электричества. Меня заставили повиноваться подобно домашнему скоту.

Голубая дуга висела на электродах, не давая толком разглядеть, что происходит. Контролирующий меня человек был маленького роста, с цепкой хваткой и очень ловкими движениями.

Двое мужчин бросили Виктора на багажник и повернули его лицом вверх.

– Где застёжки?! – один склонился к самому уху и заорал что есть мочи, а второй приставил нож к горлу, делая сопротивление невозможным.

Когда Жукецкий что-то ответил, тот, что поменьше, полез в салон его машины и довольно быстро нашел там бумажный сверток. Затем, пошарив еще немного, достал какой-то пакет. Проверив содержимое находок, он кивнул головой напарнику.

Я снова сфокусировала взгляд на человеке, который сдавил мне горло и время от времени слепил шокером, залезая чуть ли не в глазное яблоко.

Я узнала его, и он это понял:

– Ты больше не будешь швырять свои сумки.

Кто-то скомандовал:

– Заканчивай.

Раздались выстрелы, я хотела вскрикнуть, но не успела. Все тело затрясло, и я провалилась в небытие.

Глаза открылись. Белый халат метнулся к двери. Крашенные стены, потемневшая побелка на потолке, тумбочка, пружинящая кровать. Я в больнице.

– Расхерачили, натурально, полковник, – голос был грубым и жестким, – навряд ли я смог бы лучше.

– Не прибедайся, Антон Дреич. Твои способности мне хорошо известны.

Дверь в коридор осталась открытой, и я отчетливо могла слышать диалог двух мужчин.

– У них на все про все ушло около тридцати секунд: захомутать и расспросить бугая, нейтрализовать телку, обыскать машину. Вырубить ее и кончить его. Очень быстро.

– Согласен.

Я села на кровати.

«Неужели Виктор погиб?»

Вошла медсестра, за ней следом Ежов и незнакомый мужчина огромных габаритов.

Кроме меня, в палате никого не было.

Девочка-медичка подошла и попросила лечь.

– А вот и Татьяна Александровна ожила.

Голова болит, сердце ухает. Заголившиеся ляжки выбились из-под одеяла.

– Лежите, – приказал Ежов.

– Красивые ножки, – напрямую высказался амбал в новеньком камуфляже и армейских ботинках.

Я не имела ничего против.

Человек, в лексиконе которого присутствовал глагол «расхерачили», сел на несчастный стул, и, как ни старался, меньше половины комнаты занять ему не удалось. В нем было около двухсот килограммов, а может, и больше. Лицо с добрую сковородку искренне улыбалось, приветствуя мое воскрешение.

Я почувствовала, что налюбовалась Антон Дреичем на всю жизнь, и повернулась к Ежову.

– Как вы себя чувствуете?

– Могло бы быть и хуже, – резонно заметила я. – Немного не доехала, Геннадий Александрович.

Помолчали.

– Виктора застрелили?

– Да.

– Он быстро умер?

– Мгновенно, десять пуль за две секунды. Автоматический пистолет, – подал голос титан.

– Пусть так, – смирилась я, не в силах что-либо изменить. – Давно я здесь?

Полковник взглянул на часы:

- Сейчас пять минут третьего. Уже четыре часа. Вы в состоянии отвечать на вопросы?
- Думаю, да.

– Отлично. – Ежов вслед за громилой опустился на стул. – Что вы делали в машине Жукецкого?

– Вчера он принял меня за воровку, а сегодня утром извинился, сказал, что вел себя как скотина, и предложил съездить с ним позавтракать.

Не говорить же, что работаю на Хальзова.

Точно так же, как и вчера вечером, Ежов стал записывать мои ответы в школьную тетрадку.

– Расскажите о том, что произошло.

Я расписала все до мельчайших подробностей. Естественно, интерес вызвала моя встреча с вчерашним вором, которого не без моей помощи задержали в ювелирном магазине, а затем отпустили. Надо было писать заявление, дура!

– Вы уверены, что это был один и тот же человек?

– Несомненно. Перед тем как вырубить меня, он высказался насчет моего успешного броска.

– Получается, что некто, проявлявший интерес к лошадкам, напал сегодня на Виктора. Вас, как я понимаю, в расчет не брали.

– Могли убить, – заключил Антон Дреич.

– Вы не знаете, что было в свертках?

– Сверток и пакет, товарищ полковник, – уточнила я.

Тестировать он меня еще будет, наверняка показания свидетелей уже собраны и все разложено по полочкам.

– Да, верно.

– Нет, я не знаю, что они забрали, по дороге Виктор ничего мне не показывал.

Ежов открыл «дипломат» и достал фотографии.

– Узнаете кого-нибудь?

– Торопитесь с опознанием? – поинтересовалась я, забирая карточки.

– Да, время не ждет.

Я сразу узнала мальчишку, но не спешила с ответом.

– Обещайте мне, что дадите возможность поговорить с продавцом. У меня в этом деле появился личный интерес.

– Интересно дома на диване лежать, – буркнул Дреич, давая понять, что я зарвалась.

– Ничего не могу обещать. И мой вам совет – успокойтесь. Мы как-нибудь сами.

Честно говоря, я никому не собиралась мстить, просто очень хотелось знать, откуда у мальчишки золотой будда. Я ведь тоже вроде как на работе.

Я молча протянула ему одну фотографию, затем отдала все остальные.

Ежов не скрывал удовлетворения:

– Завтра вас скорее всего выпишут. Старайтесь вести спокойный образ жизни.

Представители власти одновременно поднялись.

Дреич снова отпустил очередную реплику:

– Здоровье укреплять лучше всего за столом.

Глядя на него, можно было подумать, что в квартире, где он живет, как минимум четыре кухни. Иначе, с чего он такой огромный?

Я ковыляла из туалета обратно на койку, когда увидела очередных посетителей.

В накинутом на плечи белоснежном халате мне навстречу шел Сыч.

С ним за ручку, словно маленькая девочка, шествовала грациозная дева, держа в руках букет роз. Сам уважаемый посетитель нес огромный прозрачный пакет с апельсинами.

Удивляться тут было нечему. Александр Иванович зашел поинтересоваться, кто же это убрал служащего его фирмы.

Я дежурно заулыбалась. Чмокнула начавшего сесть мужчину в щеку. Он, в свою очередь, играючи потрепал меня за задницу, после чего мы вошли в палату.

Альма, так звали красавицу с черными как смоль волосами, поставила цветы в графин и безглаголиво опустила на тот самый стул, который не так давно насиловал Антон Дрейч.

Сыч соответственно занял место полковника.

Стройный мужчина, около сорока. Слегка заплывшее от частых выпивок лицо со следами оспы. Маленькие серенькие глазки. Аккуратная стрижка десятилетнего мальчика. Резкий запах отвратительного одеколona, забивающий ноздри.

– Как здоровье?

Начался обмен дежурными фразами, который занял примерно минут десять, после чего перешли к делу.

– Ты работаешь сейчас на кого-нибудь?

Врать как-то язык не поворачивался. Он может и припомнить.

– Есть занятие.

– Имя мне скажи, пожалуйста, – на полтона ниже потребовал Александр Иванович, разворачивая жвачку и бросая обертку на пол.

– Хальзов.

– Ба! И что старому пердуну понадобилось?

– У него книги украли, вот он меня и нанял.

– Дорогие книжки, наверное.

– Да, дорогие.

– Ты, Татьяна, не тухни. Я к тебе, понимаешь ли, со всей душой, вот фруктов принес, а ты так вяло разговариваешь. Узнала кого-нибудь из тех, кто вас сделал, а?

– Нет. Мне постоянно слепили глаза электрошокером.

– Как интересно. А что ты делала в машине Витюшки?

– Мы с ним в ресторан завтракать поехали.

– В какой?

– Я не знаю, он сказал, что это сюрприз.

Сыч подпер щеку ладонью и уставился в окно. Очнувшись, он поинтересовался:

– Знаешь, в кого вы врезались? Конечно, не знаешь. Менты, которые ушли полчаса назад, тебе тоже наверняка ничего не сказали.

– Нет, не сказали, – подтвердила я. – Только не мы врезались, а в нас.

– Не важно.

– Как угодно, – возражать было бессмысленно.

– Семен Игоревич Будников, по кличке Фома.

– Ругался он здорово.

– Да, материться он мастер. Магазины у него. Пара заводиков. Спирт Фома гонит. Главное, что номер белой «шестерки» он запомнил, но машина краденая оказалась. Менты это уже знают. А я уж от них.

– К чему ты мне это все рассказываешь?

– К тому, что профи его убрали, и я не знаю почему. Значит, он за моей спиной чем-то занимался.

Несмотря на то, что человека в живых уже не было, Сыч горел желанием узнать, большой ли куш хотел сорвать без его ведома покойный.

– Ты давно с ним кувыркаешься?

Красавица на заднем плане едва заметно сморщилась. Наверняка приходилось выносить выражения и покрепче.

– Я зашла к нему на работу вчера вечером. Купила безделушку с рук и захотела узнать, сколько она стоит на самом деле. Слово за слово, пригласил в ресторан. Мы четыре года не виделись.

– Что за безделушка?

– Золотой будда.

– Ты должна мне еще двести пятьдесят баксов, – заявил он. – Это мой пацан там работал.

– Нарушаешь правила торговли. Ворованным товаром никто на улице торговать не должен.

– Не учи меня. В любом случае свои проблемы я всегда смогу разрешить. К тому же не тебе говорить о правилах. Запугать пацана так, что он был вынужден упасть вдвое. С тебя можно и штуку за моральный ущерб потребовать, да ладно, пока спишем.

Похоже, мальчишка, отдавая деньги, сочинил историю, чтобы оправдать недостачу. Да еще и о своем наваре побеспокоился, прибавив к цене пахана тридцать с лишним процентов.

Я заверила, что непременно отдам деньги, причем сделаю это сразу же, как только выберусь из больницы.

– А как к тебе это золото попало?

– Интересуешься, у кого купил? У меня по всему Поволжью сотня таких безделушек в неделю расходуется – всего и не упомнишь.

– Отдам сервис за твою цену.

Толкаясь по Санкт-Петербургу чуть больше года назад, я приобрела на базаре у старушки чайничек и три крохотные пиалы к нему за смешные деньги.

Подозревая, что реальная цена может быть выше, я через одного из авторитетов вышла на Сыча. Увидев товар, он не моргнув предложил триста долларов, уверяя, что о цене можно осведомиться у «независимых» экспертов, и назвал именно Жукецкого. Тогда в голове у меня и отложилось место работы Виктора. Я не испытывала материальных трудностей и не сдалась, даже когда цена выросла втрое, чем здорово вывела Александра Ивановича из себя. Нет, он не кричал. Совсем наоборот. Покраснел, надулся, выкатил глаза и стал действительно похож на ночного пернатого хищника.

К экспертам ходить отпала всякая надобность. Цену удалось установить в процессе торга. Мое приобретение можно было смело предлагать за полторы тысячи, знала бы бабушка, как она продешевила, – не избежать мне проклятий.

– Кажется, мы остановились на шестистах долларах.

– Ошибаетесь, уважаемый, называлась цифра девятьсот. Согласна на восемьсот пятьдесят.

– Будду просил продать Виктор. – Сыч стремительно поднялся. – Жду тебя на днях вместе с товаром.

Делец подхватил спутницу за талию и вышел вон, желая на ходу скорейшего выздоровления.

Я дожидала, наверное, десятый апельсин и одновременно перебирала накопившийся в сумочке хлам, когда глубоким вечером, прорвавшись через кордоны врачей, медсестер и санитаров, появился перепуганный Руслан Рустамович.

– Как ваши дела? – Он бросился ко мне с объятиями и чмокнул в щечку.

Признаюсь, я слегка опешила, но быстро пришла в себя и поблагодарила за беспокойство.

– Как я рад, что вы живы! Господи, это какой-то вандализм. Среди бела дня стрелять в людей!

– Ничего, со мной все в порядке. Пришлось схватить немного электричества. Вы знаете, у меня был Сыч.

– Да, знаю, знаю, – заохал старик. – Ко мне тоже заходил, выпрашивал, не было ли у меня каких дел с Виктором. Хорошо, врать не пришлось. После тех раскопок мы вели себя очень тихо и не высывались. Исключительно только консультации.

– Тогда за что его убили?

– Я надеялся получить ответ от вас. Он не собирался заехать куда-нибудь?

– Вроде нет. А вы сами не заметили изменения в его поведении? Может, кто-нибудь стал частенько навещать его?

Хальзов покачал головой:

– Если даже что и было, я мог не заметить. У меня ведь штат больше сотни человек – за всеми не уследишь.

– Как вы думаете, Жукецкий мог выкрасть статуэтки?

Он несколько удивленно посмотрел на меня:

– Зачем ему воровать эти безделушки?

– Так мог или нет? Под заказ, например.

– Чисто теоретически, мог. Вы располагаете фактами?

– Будду, которого я купила у ювелирного магазина, Виктор отдал Сычу на реализацию, а может, и просто продал.

Дед вздрогнул.

– Не может быть! Виктор – вор! – Ему потребовалось время, чтобы поверить в правдивость моих слов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.